

Цифанова Ирина Владимировна

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ФУНКЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ДИСФУНКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

В статье рассматриваются процессы воздействия исторического знания на формирование индивидуальной и коллективной идентичности в современную эпоху. Особое внимание уделяется специфике функционирования исторического знания как сложной и динамичной системы, испытывающей влияние как внешних, так и внутренних факторов. Выявляются механизмы и детерминанты данного влияния, а также определяется его значение для оценки воздействия на поиски идентичности в условиях быстро меняющегося и глобализирующегося мира. Анализируются различные аспекты взаимного влияния исторического сознания и идентичности на социальные структуры, институты и ценности современного человека.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-2/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 2. С. 191-195. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

PROBLEMS OF NATIONAL-STATE CONSTRUCTION IN THE NORTH CAUCASUS IN THE 1920-1930S IN THE LATEST DOCUMENTARY PUBLICATIONS

Tsarikaev Alan Takhirovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz
Tsarikaev.A.T@yandex.ru

The article analyzes the information potential of the latest documentary publications in the study of topical issues of national-state construction in the North Caucasus in the 1920-1930s. The author singles out specific plots within the framework of the topic under consideration, in the development of which the materials of the collections can make a significant contribution. The archival documents presented in the publications show the region as one of the complex objects of ethnopolitics of the Soviet leadership.

Key words and phrases: documents; sources; materials; national-state construction; collection; the North Caucasus.

УДК 111

Философские науки

В статье рассматриваются процессы воздействия исторического знания на формирование индивидуальной и коллективной идентичности в современную эпоху. Особое внимание уделяется специфике функционирования исторического знания как сложной и динамичной системы, испытывающей влияние как внешних, так и внутренних факторов. Выявляются механизмы и детерминанты данного влияния, а также определяется его значение для оценки воздействия на поиски идентичности в условиях быстро меняющегося и глобализирующегося мира. Анализируются различные аспекты взаимного влияния исторического сознания и идентичности на социальные структуры, институты и ценности современного человека.

Ключевые слова и фразы: идентичность; историческое сознание; историческое знание; историческое объяснение; экстернализм; интернализм; объективность.

Цифанова Ирина Владимировна, к.и.н.

Ставропольский государственный педагогический институт
tsifanova@yandex.ru

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ФУНКЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ДИСФУНКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Вопрос о том, какие именно факторы являются определяющими в развитии научного знания, является одним из ключевых для истории, методологии и философии науки. Как известно, в процессе поисков ответа на него участники дискуссии разделились на экстерналистов и интерналистов. Экстерналисты были убеждены, что фундаментальным является влияние внешних факторов, таких как политика, идеология, геополитика, культура и даже этноконфессиональные зависимости. Противостоящие им интерналисты полагали, что развитие науки определяется так называемой внутренней логикой, понять которую проще по аналогии с рассмотрением этапов живого организма: следует различать молодость, зрелость и т.п. Интерналисты часто использовали такие термины, как автономия и имманентность, им казалось, что содержание научных открытий и теорий предопределяет дальнейшие шаги исследователя, тогда как экстерналистам представлялось, что общественные запросы или культурные предпосылки формируют мысль человека.

Так уж получилось, что спор экстерналистов и интерналистов велся о науке в целом, и в качестве примеров бралась история естествознания, главным образом физики. А в исторической методологии и историографии главное внимание по-прежнему уделяется теме объективности исторического факта и исторической оценки. Между тем и в развитии исторической науки и исторического знания можно найти некую внутреннюю логику: исторических сведений может быть много или мало, тех, кто занят их обработкой и констелляцией фактов, также может быть много или мало. Все это, несомненно, влияет на развитие как структуры, так и содержания исторического знания. Сюда же следует отнести и проблемы коммуникации внутри сообщества и множественность оценок, за каждой из которых стоит труд квалифицированных интерпретаторов [9, с. 24].

Учитывая все вышесказанное, историческое знание как на уровне фактическом, так и на уровне интерпретативно-оценочном оказывается функцией фазы развития научного сообщества и подчиняется его собственной логике. Хотя и сбрасывать со счетов влияние индивидуальных предпочтений и коллективных интересов нельзя. Поэтому в споре интерналистов и экстерналистов, в том числе и в области исторического познания, истина лежит посередине: необходимо уметь проследить влияние как внешних, так и внутренних факторов с тем, чтобы оценить содержательную сторону получаемых или провозглашаемых историками результатов. Тем более что эти результаты имеют непосредственное отношение и к легитимности социальных структур, и к идентичности социальных акторов.

Проблема легитимности тех или иных социальных учреждений, как и всего институционального строя общества, не может не быть актуальной, особенно во времена существенных социальных изменений. Не только власть, но и все конструктивные силы общества заинтересованы в том, чтобы порядки взаимодействия индивидов и групп как можно реже ставились под сомнение. Точно так же, как и все те, кто заинтересован

в общественной дестабилизации, одной из своих целей избирают механизмы легитимации власти и ее институтов, потому что делегитимация власти – первый шаг к ее ослаблению и отстранению. Но те, кто намерен отстранить правящую элиту от власти, могут делать это с разными намерениями, что и предопределяет стратегию использования ими исторического знания.

Переструктурирование истории оказалось необходимым для формирования новых социальных структур и институтов. История может быть либо продолжением прошлого, либо его повторением, либо его отрицанием. Настоящее и будущее виделось протестантам как отрицание недавнего прошлого и как продолжение прошлого давнего, как повторение того, что, по их мнению, было действительностью полтора тысячелетия назад.

Идентичность не столько конструируется историческим знанием, сколько конструирует его, а формирующиеся социальные отношения при помощи исторической оценки заставляют смотреть на те или иные фактические данные определенным образом. И процесс этот идет одновременно на разных уровнях:

- историки пишут книги, подавая факты и интерпретируя их, формируя историческую оценку;
- политики используют результаты деятельности одних историков или отвергают, а иногда и запрещают творения других, потому что проводящие политику облекают в речи о прошлом свои мысли о будущем;
- широкие народные массы принимают или отвергают притязания историков и политиков на значимость предлагаемого ими проекта идентичности, истории, будущего. Специально выстроенная по этому поводу концепция роли личности в истории позволяет говорить об отсутствии предопределения исторических событий и их зависимости от деятельности различных представителей широких народных масс, что обеспечивает множественность альтернатив.

Все эти взаимодействия знания и интересов сосуществуют в условиях реальной жизни, но попытка взаимодействия исторического знания и политического интереса противоречит идеалам и нормам научного исследования, которые однозначно отрицают саму возможность смешения любой исторической или социальной науки с политическими целями и намерениями. Это связано, по мнению Ю. П. Зарецкого, с желанием историков «сохранить не только “душевный покой”, но также и “общественную полезность” (кому понадобится история без “позитивной” составляющей, кроме книгоиздателей?) и саму свою идентичность (что остается от их науки без “позитивной” составляющей?). Причем в большинстве случаев историки склонны категорически не замечать и такую самоочевидную для “модного” взгляда вещь, как социальная обусловленность “исторической правды” и вообще “истины” в историческом знании» [6, с. 66].

Как, например, можно относиться к работам современных европейских историков, ставящих под сомнение общепризнанные оценки Второй мировой войны? Можно, конечно, рассматривать каждый опус, в котором утверждается, что решающий вклад в победу над нацистской Германией внесли Англия и США, как еще один взгляд участников научной дискуссии. Именно так пишет британский историк О'Брайен, доказывая, что остановить немецкую машину смогли лишь действия союзников, оттянувшие все ресурсы Рейха на морские и небесные сражения. Бои на суше не решали, по его мнению, ничего [11, р. 224]. Приступая к чтению этой книги, с самого начала трудно отделаться от мысли, что такие труды пишутся в определенном месте и находят благодарную аудиторию в определенное время. Не случайно даже его соотечественники критически отнеслись к предложенной им исторической оценке. Но событием, открывшем путь к пересмотру итогов Второй мировой войны, оказался распад СССР. Западноевропейским политическим элитам и государственным деятелям стран Восточной Европы стало выгодно уменьшение вклада Красной Армии в победу над нацистами. Несмотря на их субъективизм к данному вопросу, это не мешает им формировать общественное мнение и переформатировать социальную реальность.

В XIX и первой половине XX века вопросы смешения научного стремления к истине и политического намерения реализовать собственные интересы обсуждались как вопросы добросовестности отдельного ученого или научной среды. Все те, кто прежде разделял веру в идеалы научного исследования и, прежде всего, веру в принцип объективности, были убеждены в способности каждого ученого четко отделять факты от их интерпретации, а в процессе интерпретации также оставаться беспристрастным и независимым. Поэтому быть или не быть объективным, решал сам ученый – это был вопрос его позиции, вопрос его нравственного выбора. Но вторая половина XX века принесла сомнения в том, что целостный образ классической науки соответствует действительности.

Изменение объективистского идеала науки традиционно связывают с именем советского ученого Б. Гессена, который еще в двадцатые годы отмечал роль социального заказа в появлении классической механики И. Ньютона. Сделанный им в Лондоне научный доклад стал первой ласточкой экстернализма, объясняющего развитие науки внешними факторами. «Стоит ли доказывать, – задается вопросом Л. Грэхэм, – что доклад об И. Ньюtone, сделанный советским ученым Борисом Гессеном в 1931 г. на II Международном конгрессе по истории науки в Лондоне, является по масштабам своего влияния одним из наиболее важных сообщений, когда-либо звучавших в аудитории историков науки?» [5, с. 29]. И в этом докладе отстаивалась идея организационной связи научной революции XVII века с развитием капитализма, индустриализацией и запросами восходящего в этот период истории общественного класса – английской буржуазии.

Вызвавший столько критики доклад стал тем не менее настоящим провозвестником последующих изменений, когда историки науки искали и находили внешние влияния разного рода. Экстерналисты полагали, что на мысль ученого способны оказать влияние экономика и политика, религия и культура. Неудивительно, что именно в этом контексте стали развиваться новые области исследования – философия науки и социология знания. Философия науки поставила вопрос о том, играет ли в нашем понимании структуры и содержания научного знания роль то, когда и при каких обстоятельствах это знание получено. Объективистский идеал науки требует признать эти обстоятельства несущественными – позитивисты даже предлагали отделять контекст открытия от контекста обоснования.

Научное знание, в данном его понимании один раз доказанное, более не нуждается в пересмотре. Надежность научного доказательства такова, что оно либо свершилось, и тогда знание действительно является знанием, либо знание не доказано, и его считают гипотетическим. Такое разделение знания на аподиктическое, гипотетическое и проблематическое не подразумевает того, что в истории науки позднее назовут научной революцией. Конечно, революцией можно назвать какое-то очень значительное открытие, но все же оно означает пересмотр уже имеющегося знания, а не простое, пусть и сколь угодно значительное его увеличение. А пересмотром может быть только отказ от ранее доказанного знания. Об этом и писал К. Поппер, считающийся основоположником постпозитивистской философии науки, то есть введения в рассмотрение принципа историзма [7].

К. Поппер оказал революционное влияние на идеалы науки, но другие представители данного направления пошли еще дальше. Так, Т. Кун предположил, что влияние внешних факторов может распространяться не только на проведение ученым оценки и интерпретации фактов, но и на способ постановки проблем, на расстановку приоритетов в процессе поиска фактов и теоретических моделей их объяснения. Более того, в одних моделях мы находим зримое присутствие социальных структур, а в других – нет. Но при этом решающую роль играет особенность соотношения уникального и универсального в одном и том же рассматриваемом примере, который выступает и в качестве исторического события, и в качестве социального явления [3, с. 51].

В этой связи особенно показательна дискуссия о научной модели исторического объяснения и правилах, которым должно подчиняться последнее. Стандарты объяснения, которые с известной долей условности можно назвать классическими, предельно точно были описаны К. Гемпелем [4; 10, с. 149]. Он предложил выделять два элемента, из которых должно выводиться историческое событие для того, чтобы считаться объясненным. Во-первых, немецкий теоретик считает, что для объяснения необходимы высказывания, содержащие информацию о предшествующих или сопутствующих условиях, из которых объясняемое явление могло бы быть выведено при помощи простой дедукции. Во-вторых, необходимы эмпирически проверяемые общие законы и теории, из которых также дедуцируется вывод относительно рассматриваемого события.

Вся вышеприведенная схема – попытка применить силлогистику Аристотеля, столь успешно зарекомендовавшую себя в галилеевском естествознании и в судебных разбирательствах [1, с. 119]. Факты (предшествующие и сопутствующие условия) подводятся под норму (общие законы и теории), что позволяет дедуцировать вывод. Но вот насколько хорошо эта схема работает в случае ее применения к анализу исторического знания? В качестве примера можно привести рассуждение Н. А. Бердяева об истоках и смысле русского коммунизма. «Историческая судьба русского народа, – писал великий русский философ, – была несчастной и страдальческой, и развивался он катастрофическим темпом, через прерывность и изменение типа цивилизации. В русской истории, вопреки мнению славянофилов, нельзя найти органического единства. Слишком огромными пространствами приходилось овладевать русскому народу, слишком велики были опасности с Востока, от татарских нашествий, от которых он охранял и Запад, велики были опасности и со стороны самого Запада» [2, с. 7].

В приведенном отрывке речь не идет о типичном единичном событии, вроде сражения или восшествия на престол. Но этот отрывок содержит характерный пример исторического объяснения социального (или, точнее, социокультурного) феномена, называемого Н. А. Бердяевым прерывностью и изменением типа цивилизации. Под прерывностью и изменением типа цивилизации выдающийся русский мыслитель, конечно же, имеет в виду цивилизационный переход от Киевской Руси к Руси Московской. Первую он считал европейским государством, созданным норманнами, тогда как вторую – неевропейским политическим образованием, культуру которого он называет «культурой христианизированного татарского царства». А прерывность оказывается свойством этого исторического феномена, что обосновывается просто – философ обнаруживает «пять разных России: Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую и, наконец, новую советскую Россию» [Там же]. Так формируется исторический нарратив прерывности, превращающий Россию в страну со специфической историей, а ее институты в менее нормальные, а значит, и менее легитимные, нежели институты европейских государств и обществ.

Из последней цитаты видно, что русский философ обнаруживает не пять периодов единой российской истории, как обычно рассматривают все историки историю любых стран, а пять разных России, историческая преемственность между которыми минимальна. Именно так можно толковать текст Н. А. Бердяева, который в результате пришел к выводу и о цивилизационной противоречивости, и о противоречивости русской души, которая всегда оказывается в состоянии выбора между крайними формами. С такими характеристиками не только трудно жить и создавать социальные структуры и институты, то есть развиваться. Еще труднее с подобным сознанием пытаться обрести идентичность, ибо в размышлении о содержании этой самой идентичности можно обнаружить прерывность и противоречивость, о которой говорится как о свойстве души. Между тем в истории мы не можем наблюдать резких разрывов идентичности после какого бы то ни было завоевания, если только речь не идет о переходе в другую религию. Ни ментальность, ни культура, ни жизненный мир не могут быть просто заменены, тем более на протяжении жизни одного-двух поколений. Даже на протяжении столетий их изменения могут носить только эволюционный характер [8, с. 80].

Возвращаясь к вопросу о модели исторического объяснения, необходимо заметить одну его особенность, отчетливо проявляющуюся в рассматриваемом примере. То, что историки и методологи называют допускающими эмпирическую проверку общими законами и теориями, на самом деле не являются таковыми. Именно историческую судьбу русского народа несчастной и страдальческой, а темп развития общества прерывистым, Н. А. Бердяев не использует никаких эмпирических, то есть статистических, данных, применение которых могло бы позволить провести сравнительный, хотя и приблизительный, анализ людских потерь и т.п. Между тем все упомянутые обстоятельства, такие как огромные пространства, опасности с Востока и опасности

с Запада, действительно имели место, но все эти рассуждения крайне далеки от каких бы то ни было теоретических закономерностей и всецело остаются в границах здравого смысла и повседневного опыта.

Историческая оценка, данная русским мыслителем для оценки судьбы народа, касается большого исторического периода. Но при этом Н. А. Бердяев апеллирует к одному единственному событию – монгольскому завоеванию – как к системообразующему, рождающему уникальное сочетание факторов, как географических, так и культурно-этнографических, действующих на протяжении всего этого периода [2]. Такова схема, и под нее подстраивается весь исторический нарратив. Русь домонгольская оказывается европейским государством, а монгольская и послемонгольская – чем-то совершенно иным, происходит исторический разрыв.

Под воздействием этого смыслообразующего и системообразующего действия, провозглашающего разрыв историческим событием, рождающим иную реальность, начинается формирование всего исторического нарратива. Собираются факты, подтверждающие абсолютно европейское происхождение, а следовательно, и абсолютно европейский характер функционирующих на тот момент социальных структур и институтов Киевской Руси. Ее происхождение от европейских норманнов-язычников, а затем и крещение от «сверхъевропейских» или даже «европообразующих» ромеев-византийцев не ставится под сомнение никем, кроме разве что евразийцев. А затем провозглашается тезис об ориентализации той части русского государства, которой не удалось быстро избавиться от ордынского владычества путем замены его на владычество литовское или польское. Владычество европейское выступает в этой исторической картине мира как способ сохранения идентичности или, по крайней мере, как способ сохранения европейского характера этой самой идентичности.

А власть Золотой Орды оказывается в рамках этого нарратива владычеством азиатским, воздействие которого можно охарактеризовать как утрату идентичности. И неважно, что Золотая Орда, хотя и управлялась монгольскими потомками Чингиз Хана, состояла из этнических тюрок, финнов и славян, покоренных одним и тем же завоевателем. И тем более неважно, что на протяжении всего периода пребывания в Орде управляли городами Владимиро-Суздальской Руси потомки легендарного Рюрика, как и религиозная идентичность их никогда не ставилась под сомнение. Но подобные построения в рамках все того же нарратива цивилизационной прерывности способствуют делегитимации политических и в конечном счете социальных институтов, сформировавшихся на протяжении всего периода послемонгольской истории и являвшихся гарантами свободы и независимости российского социума [12, р. 12].

Социальные институты науки, образования, культуры оказываются средствами проведения в жизнь политики, реализация которой требует соответствующей идентичности. Именно они, наряду со специальными управленческими структурами во власти, создают возможности для получения, хранения, распространения социально значимого исторического знания.

Таким образом, можно констатировать, что механизм формирования идентичности включает в себя два основных элемента, каждый из которых может быть представлен как отдельная подсистема смыслообразования. Первая подсистема обеспечивает согласование исторических знаний с социальными потребностями и интересами, тогда как вторая подсистема призвана обеспечивать соответствие между интерпретацией устройства социальных структур и институтов и историческим нарративом. Взаимодействие подсистем обеспечивает легитимность социальных структур и институтов, а все стремления к разрушению данного взаимодействия посредством изменения исторического нарратива осознанно или неосознанно приводят к изменению социального порядка. Изменения социального порядка могут носить как созидательный, так и разрушительный характер, что дает основание для различия влияния социума на эволюцию идентичности. Смена идентичности всегда предполагает процесс девальвации прежних исторических представлений и установок, из них следующих. Иногда это воплощается в сомнениях в достоверности знаний, иногда – в переоценке исторического значения событий. Обе эти стратегии достаточно эффективны. В случае конструирования новой идентичности процесс обратный: прежде казавшиеся малозначимыми сведения начинают восприниматься как судьбоносные, а степень достоверности знания о фактах искусственно преувеличивается.

Список источников

1. **Аристотель.** Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 687 с.
2. **Бердяев Н. А.** Истоки и смысл русского коммунизма: репринтное воспроизведение издания YMKA-PRESS. М.: Наука, 1990. 224 с.
3. **Блюхер Ф. Н.** Философские проблемы исторической науки. М.: ИФРАН, 2004. 197 с.
4. **Гемпель К. Г.** Логика объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1998. 237 с.
5. **Грэхэм Л.** Социально-политический контекст доклада Б. М. Гессена о Ньюtone // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 2. С. 20-31.
6. **Зарецкий Ю. П.** Стратегии понимания прошлого: теория, история, историография. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.
7. **Поппер К. Р.** Открытое общество и его враги: в 2-х т. / пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1. Чары Платона. 448 с.
8. **Пржиленская И. Б.** Преобразование социального жизненного мира россиян. От герметизации и колонизации к адаптации // Философские науки. 2012. № 4. С. 79-91.
9. **Пржиленский В. И.** Созерцание, рефлексия и коммуникация в современной культуре // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2008. № 4. С. 23-27.
10. **Философия и методология науки** / под ред. В. И. Купцова. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 1996. 551 с.
11. **O'Brien P.** How the War Was Won: Air-Sea Power and Allied Victory in World War II. Cambridge University Press, 2015. 640 p.
12. **Przhilenskiy V., Zakharova M.** Which Way Is the Russian Double-Headed Eagle Looking? // Russian Law Journal. 2016. № 4 (2). P. 6-25.

IDENTIFICATION FUNCTIONS AND SOCIAL DYSFUNCTIONS OF HISTORICAL KNOWLEDGE

Tsifanova Irina Vladimirovna, Ph. D. in History
Stavropol State Pedagogical Institute
tsifanova@yandex.ru

The article deals with the processes of the influence of historical knowledge on the formation of individual and collective identity in the modern era. Special attention is paid to the specifics of the functioning of historical knowledge as a complex and dynamic system, influenced by both external and internal factors. The author identifies the mechanisms and determinants of this influence, as well as its importance for assessing the impact on the search for identity in the rapidly changing and globalizing world. The paper analyzes various aspects of the mutual influence of historical consciousness and identity on social structures, institutions and values of a modern man.

Key words and phrases: identity; historical consciousness; historical knowledge; historical explanation; externalism; internalism; objectivity.

УДК 7; 7.03

Искусствоведение

В статье рассматривается экспрессионистская стилистика в живописи и графике художников тюменского региона, анализируется образная структура наиболее значительных произведений этой стилистики, обусловленность их своеобразия особенностями личности художника, контекстом духовной и социальной жизни общества в период создания произведений. Впервые экспрессионистское течение в творчестве тюменских художников анализируется в контексте и в синтезе других стилистических направлений (реализм, символизм, постмодернизм).

Ключевые слова и фразы: стилевое направление; экспрессионизм; тюменское изобразительное искусство; постмодернизм; акцентирование индивидуального, личностного начала.

Черниева Зинаида Леонидовна, к. культурологии, доцент
Тюменский государственный институт культуры
zchernieva@mail.ru

**ЭКСПРЕССИОНИСТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
В ТЮМЕНСКОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ**

Экспрессионистское направление в искусстве, выразившее кризисные явления начала двадцатого века, и сегодня имеет немало последователей, в связи с чем актуализируются и его современные исследования.

Если экспрессионизм в мировом искусстве уже достаточно освещён в искусствоведении как направление, то в тюменском изобразительном искусстве, изучение которого всё более актуализируется в силу его интенсивного развития, он представляется практически неисследованным. В данной работе освещаются особенности экспрессионизма в творчестве художников тюменского региона конца XX – начала XXI века.

Одна из главных задач исследования – выявить особенности образной структуры наиболее значительных произведений экспрессионистской стилистики, дать представление о её месте и значимости в творчестве каждого отдельного художника, поскольку вышеозначенная стилистика может проявляться лишь в отдельных произведениях того или иного художника, составлять период творчества либо доминировать на протяжении всей творческой жизни.

Экспрессионизм – модернистское течение в искусстве, оформившееся в Германии первой четверти XX века и выразившее настроение европейцев в преддверии Первой мировой войны и последовавших за ней революций. К концу войны европейский экспрессионизм вышел за рамки чисто художественного движения и принял форму интернациональной культурной системы. Мировоззренческой основой экспрессионизма стали индивидуалистический протест против несовершенства мира, все большее отчуждение человека от общества, чувство одиночества, экзистенциальный кризис, утрата духовных ориентиров.

Пессимистичные общественные настроения, вызванные кризисом европейской цивилизации, задали определённые темы и мотивы творчеству художников, такие как отчуждённость от мира, пустота, абсурд и трагизм жизни, протест против угнетения личности буржуазным обществом. Характерны мотивы смерти, тревоги, одиночества и внутренней дисгармонии. В контексте надвигающейся войны и в военные годы творчеству ряд художников была свойственна антивоенная тематика (Г. Гросс, О. Дикс).

Суть экспрессионизма – в отображении внутреннего мира человека в момент экзистенциальной ситуации, на пределе физических и духовных сил, в состоянии крайнего напряжения или, напротив, полного опустошения или отчаяния. Художники не столько стремятся изобразить действительность, сколько передать чувственно-эмоциональные состояния и переживания, порождаемые этой реальностью, преломляющиеся в человеческом сознании и становящиеся внутренней сущностью субъекта.